

Сущность подросткового конфликта с миром взрослых.

Известно, что отношения с миром взрослых играют важнейшую роль в становлении ребенка, поскольку именно в этих отношениях ребенок присваивает общественно-исторический опыт, усваивает общественно значимые нормы и функции, знакомится с содержанием социальных ролей, т.е. формируется общественный субъект.

И вот, по мнению многих, выясняется, что в подростковый период эти отношения начинают терять свою значимость, отступают на задний план, уступая место отношениям со сверстниками. Сама по себе кризисность подросткового периода, постулированная как общественная данность, понимается, как правило, как конфликтность подростка в его отношениях с миром взрослых, как неудобность подростка для этого мира, как факт отдаления, отчуждения подростка от взрослого, ухода из его поля видения.

Что стоит за этим конфликтом? Не парадоксально ли, что подросток уходит от взрослых в период своего превращения во взрослого, в период, результатом которого должно стать вхождение в этот мир?

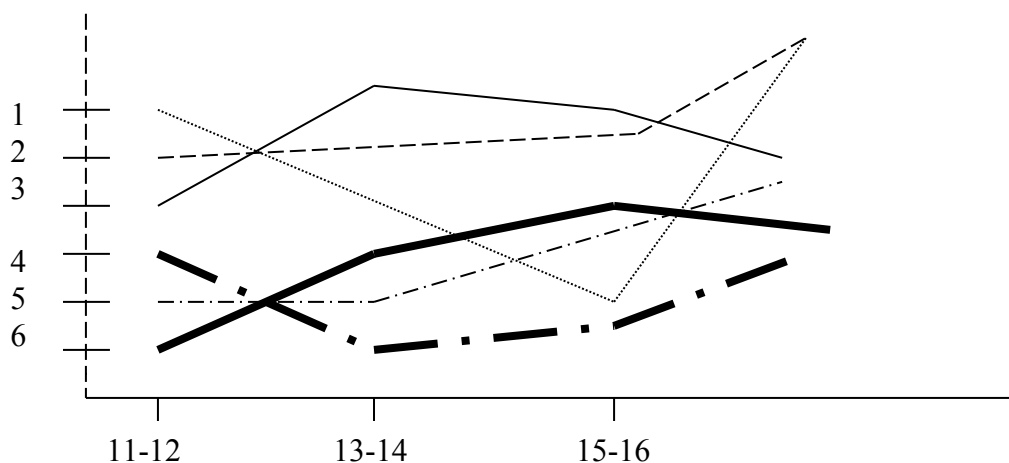
Конечно, за конфликтом с миром взрослых стоит целый комплекс причин. Обычно называют следующие: противоречия между детской нормой, которую должен был усваивать ребенок, и взрослыми нормами, на которые ему необходимо ориентироваться в качестве взрослого человека; неприятие взрослыми фактами взросления ребенка, отношение к нему как к маленькому, которое и является причиной переориентации ребенка на сверстников, среди которых он получает необходимое уважение к своей взрослеющей личности.

Однако исследование социальной ориентации подростков показало, что этот конфликт, по-видимому, по сути своей гораздо более сложен.

Задачей нашего экспериментального исследования было посмотреть, действительно ли подросток переориентируется на сверстника или же ориентация на взрослого приобретает какие-то новые особенности? При этом мы рассмотрели типы данной ориентации в следующих отношениях:

- 1) на реальную норму взрослого мира – на институциональную (пропагандируемую взрослыми) норму;
- 2) на норму институциональную, внеинституциональную, антиинституциональную;
- 3) на норму конкретных взрослых, на норму абстрактных взрослых.

Оказалось, что подросток сохраняет ориентацию на взрослого, однако она действительно приобретает новые качественные особенности, которые мы попытались представить в следующей графической схеме:

—————	недифференцированное общество взрослых
- - - - -	родители
.....	идеальные представления
=====	одноклассники – друзья
- - - - -	сверстники
——— .	учителя

Как видно из графической схемы, в начале подросткового периода доминирует институциональная норма абстрактных взрослых, взрослых вообще, она занимает первое ранговое место с большим отрывом ($p < 0,001$). За ней следуют родительские нормы и реальные нормы недифференцированного взрослого сообщества, далее соответственно – учительские, сверстников, друзей – одноклассников. Очевидно, что нормы взрослого мира опережают нормы сверстников. Причем на данном возрастном отрезке учительские нормы также занимают относительно высокое ранговое место, что характерно для младшего школьного периода. То есть, к началу подросткового этапа ребенок стремится следовать институциональной норме. По-видимому, эта норма воспринимается как всеобщая взрослая норма, отклонения от нее, наблюдаемые у близких конкретных взрослых, рассматриваются как частые нарушения общей тенденции, а то, что институциональная норма все-таки находится впереди родительской и норм учителей, говорит о начале переориентации на абстрактную норму взрослого сообщества, причем вследствие недостаточного личного опыта данная норма и воспринимается как истинно взрослая норма. Таким образом, начало подросткового периода отличается тем, что ребенок стремится следовать идеалам, пропагандируемым взрослыми.

Однако уже в 11-12 лет на первый план начинает выходить реально действующая норма, что подтверждает нашу первоначальную гипотезу о том, что для подростка важна сама ориентация на взрослость, а не ее конкретные содержательные характеристики. На данной стадии подросткового периода институциональная норма по-прежнему сохраняет высокое положение, хотя на графической схеме видно, что по сравнению с предыдущей стадией, дети становятся большими реалистами и предпочитают ориентироваться на реальное поведение взрослых, а не на пропагандируемые ими ценности. Именно поэтому, по-видимому, резко падает место нормы учительской. Хотя здесь может быть и другая причина - переоценка учителей с позиции объективных требований к их личным качествам, которую отмечают исследователи как характерную черту подросткового периода. К сожалению, низкий престиж учительской нормы на протяжении всего подросткового периода говорит о том, что большинство учителей все-таки терпят во время такой сверки поражение.

На протяжении всего периода с 10 до 12 лет нормы сверстников и друзей – одноклассников малопопулярны. В целом ориентация на взрослые нормы является доминирующей тенденцией уже самых ранних этапов подростничества.

Для старшего подростка характерным оказался резкий разрыв между идеальной и реально действующей нормой. Накопленный опыт, показывающий реальную действенность институциональной нормы, по-видимому, приводит к падению ее авторитета. Подросток 13-14 лет, имея представления о должном, стремится следовать не столько ему, сколько своим представлениям о реально существующем. Пропась между институциональной нормой и реально действующей, которая хорошо видна на графической схеме, может, как нам кажется, свидетельствовать о кризисном положении ребенка, который стремится поступать вопреки собственным же представлениям о должном, чтобы быть взрослым.

Другая особенность подростка 13-14 лет – усиление ориентации на норму сверстника – результат первых опытов поиска своего места во взрослом мире, в котором он оказывается непринятым.

А в 15-16 лет мы видим неожиданный взлет ориентации на идеальную норму и незначительное падение ориентации на реально действующую при продолжающемся усилении ориентации на сверстника. Усиление идеальной нормы, ориентация на нее в старшем школьном возрасте может быть связана с двумя причинами: во-первых, с некоторым снижением ценности «быть взрослым» и выходом на первый план потребности «быть взрослым – каким?», что возвращает некоторых вчерашних подростков к институциональной норме; во-вторых, с коррекцией представлений растущего человека о должном на данном этапе внутренняя мера может не совпадать с институциональной нормой и, в то же время, как личностная норма, она становится регулятором поведения.

Что касается роста количества подростков, ориентированных на сверстников, то, как уже отмечалось, это объясняется поисками компенсаторных путей нахождения своего места в обществе в условиях неприятия миром взрослых. Отсюда следует, что за подростковым конфликтом с миром взрослых стоят следующие реальности:

Подросток переориентируется с конкретных взрослых на «взрослость», т.е. нормы абстрактного взрослого сообщества, и через призму этих норм начинает оценивать конкретных взрослых людей. Таким образом подрывается право взрослых на формально-ролевой авторитет («я прав, потому что я взрослый»).

При этом подростка в большей степени интересуют реальные нормы, которым следует взрослое сообщество. Естественно, чем меньше следует общество тем идеалам, которые оно пропагандирует, тем сложнее чувствует себя подросток, тем труднее ему разобраться во взрослом мире, тем более чреватые его отношения с данным миром конфликтом.

На суждения подростка о реальной норме в первую очередь влияют образ жизни родителей (представления о реальной норме коррелируют с представлениями о реальной родительской норме), и мнение о распространенности данного типа нормы («все знакомые взрослые следуют этим нормам»...). Подросток нередко отказывается слушать взрослого, интуитивно чувствуя, что взрослый мир стремится навязать ему те нормы, которым он сам не следует, а это противоречит основному стремлению отрочества и задаче подросткового периода вообще – превращению ребенка во взрослого человека.